

Т.Ш. Уметбаев

ОБ УЧАСТИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ В ПРИСОЕДИНЕНИИ БЫВШИХ ТЕРРИТОРИЙ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В середине XVIII в. в истории России произошли события, связанные с крушением последней «степной» империи — Джунгарского ханства. Напомним, что в периоды своего наивысшего могущества в состав этого государства входила часть территорий Восточного Казахстана и Южной Сибири, в том числе и южная часть Приенисейского края. В непростом процессе присоединения приняли участие и европейцы, состоявшие на русской службе, в том числе и «русский немец» во втором поколении Густав фон Штрандман, который в определенный период своей жизни был сибирским генерал-губернатором.

Падение Джунгарского ханства в 1758 г. повлекло за собой существенное изменение этнополитической картины в Центральной Азии. Уничтожение значительного удельного веса (не менее 70 %) ойратского этноса в Джунгарии создало определенный и выгодный для Цинской империи вакуум, который она поспешила впоследствии заполнить другими этническими единицами, всецело зависевшими от Китая.

В 1755 г., после поражения ойратской армии во главе с Даваци, генерал Баньди докладывал о сложном положении в Джунгарском ханстве, где вследствие проводимых военных действий ойраты и «бухарцы» оказались разорены. На основании этого сообщения богдыхан сделал вывод о необходимости постепенного сокращения военного гарнизона в Илийской долине: «Великая армия постепенно (отряд за отрядом) будет отзываться. Естественно, этим должен заняться Баньди. Если еще не начал вывод войск, то теперь уже должен выполнять

приказ. Ему надлежит тщательно обдумать, какое количество войск следует оставить (в Или), и доложить нам¹.

В то же время в 1755 г. за Телецким озером появилась 70-тысячная китайская армия². Под влиянием военных побед Цинской империи князья алтайских (Чадак) и Танну (Тубшин) «уряных» приняли решение о подчинении Китаю. Чадак был произведен в дарги-амбани, его подданные разделены на 7 знамен и 25 сумонов. Князь Тубшин получил титул шула-амба, подданные разделены на 7 знамен и 16 сумонов. К князьям были прикомандированы ухериды с соответствующими печатями³. Казахские ополчения потерпели поражения от цинской армии⁴. На стороне Даваца продолжали воевать алтайские отроки манйитодш и котонкыпчак⁵.

Но многие подданные Джунгарского ханства под влиянием происходивших событий стали переходить в пределы Российской империи. Так, в 1756 г. прибыли в русские пределы джунгарские зайсаны Гендюшка, брат зайсана Омбы сотник Качай, сын Омбо Болот, Мамут, сотник Амугу Чириняков (на Кольванский завод), а также к Бийской крепости — Буктуш, Буруг, Черень, Нумыкай, Боокола и старшина Менкош Цегреков⁶. При этом в Чагырскую крепость о своем желании принять русское подданство сообщали еще несколько зайсанов, «ныне они ожидают из Большой Урги из мунгалского войска известия, что окажетца впредь то имеют в крепость Чагырскую чрез месяц известие дать а особливо же ныне не согласились з зайсангами телеуцкими и саянскими и егда согласие будет и не ето положат теми мерами и объявят а в подданство Е.И.В. со всею ревностию быть желают и напредь сего имели согласие тринадцать зайсангов быть в подданстве»⁷. По Указу Коллегии иностранных дел от 2 мая 1756 г. сибирский и оренбургский губернаторы должны были обеспечить прием в российское подданство бывших подданных Джунгарского ханства⁸.

Генерал-майор Крафт докладывал в Сибирскую губернскую канцелярию, что «мунгалского Шадар вана в Пекине китайской хан с ево сыновьями, да и протчих ево ближних родственников, смертью сказнил. Амурсана де, которой ушел в казачью орду, и напред сего в походе имел дружбу з бывшим Шадар ваном, чаял, что оной Шадар ван жив, и потому собрал остальных контайшинских народов и пришел на китайскую границу, а как услышал, что Шадар вана нет, то он, Амурсана пограничной китайской городок, называемой Баркуль, разбил, таж китайцов и манчжур немалое число побил; но обратно ушел...»⁹

В общественном мнении тюркских народов Цинская империя, безусловно, значительно более представляла угрозу их независимости, нежели Джунгарское ханство, предоставлявшее подчиненным кочевникам более широкую автономию в вопросах управления. Жесткая централизация власти на периферии органами маньчжурской имперской администрации не проходила безболезненно и вызывала ответное сопротивление. В 1762 г. в Туве было подавлено восстание Хукшинема, поддержанное частью олетов¹⁰. Об этих событиях повествует хакасская легенда «О народе Ойрат»¹¹. В результате после падения Джунгарского ханства часть тувинцев бежала на Горный Алтай, приняв русское подданство¹².

Важным событием в процессе заселения земель Джунгарского ханства стало переселение значительной части волжских калмыков в Синьцзян. Учитывая, что их переселение представляло определенную угрозу для южносибирской пограничной линии, командование войсками в Оренбургской губернии и на Сибирской линии незамедлительно приняло «энергические» меры, пишет Н.С. Гуляев, «для возможного отпора вторжению». Даже русское население было вооружено холодным оружием¹³. Наибольшее опасение вызывала судьба Змеиногорского серебряного рудника¹⁴. По приказу командующего войсками на Кузнецкой и Колыванской линиях полковника Скалона все селения были обнесены «надолбами и рогатками», а пограничные с Джунгарией укрепления были в еще большей степени усилены¹⁵.

Несмотря на неудачные попытки присоединения Казахстана и Горного Алтая к Китаю, предпринятые после падения Джунгарского ханства и оказавшиеся тщетными, цинский двор все-таки не оставлял надежды подчинения казахов и алтайских тюрков впоследствии. Тем более что Пекин не признал вхождения Горного Алтая в состав Российской империи¹⁶. Китайское правительство выражало явное неудовольствие тем, что Россия, «вошед в китайския земли, открывает рудники и получает из оных руду, чего для китайцы принуждены стали затворить с ней свои торги»¹⁷. При этом правительство богдыхана делало основной упор на активные внешнедипломатические усилия в этом направлении. Об этих попытках информировал в своих донесениях в 1791 г. генерал-майор Густав Штрэндман.

С целью получить расположение Вали-хана к нему было направлено китайское посольство с «единственной» целью — сообщить, что сын Вали-хана, по дороге заболевший оспой, благополучно прибыл

в Пекин. «Не думаю, — естественно сомневался Штрандман, — что горделивые китайцы могли послать к киргизскому хану с таким мало-важным известием посольство...»¹⁸

Объяснение этому событию дается в этом же донесении. Китайцы осторожно намекали, что «ест ли и Вали хан по-прежнему имеет от России какое себе неудовольствие, то оставил бы здешние места и приблизился к китайским границам, где обещают ему отвести хорошую землю и делать всякое удовольствие...» Однако Вали-хан отвечал, что «он хотя и имел прежде некоторыя неудовольствия, но ныне всем доволен, и от российской императрицы получает как хлебное, так и денежное жалованье, а с пограничными начальниками находится в дружбе, то и не находит надобности переселяться в их земли...» По информации этого источника, «Вали-хан как по постороннему разведанию, так и по ево собственному примечанию, показывает к России хорошее расположение...»¹⁹

Аналогичная ситуация складывалась и на Алтае, где «китайцы, разъезжая по улусам ясашных российских калмык, кочующих за Кольванской линией по рекам Семге и Пещаной, разстоянием от линии около двухсот верст, закапывали в секретных местах каменные доски с надписями на их диалекте, изживали калмыков с тех мест, на которых они издавна обитают, с великими угрозами, называя те места себе принадлежащими, а калмык подвигали к нашей линии, из чего довольно доказывалось, что они желали распространить границы свои и российския умалить...» По указу Ее Императорского Величества Штрандман получил «высочайшее повеление, по которому за первой предмет поставлялось тех калмык успокоить и в случае упорства китайскаго защищать их действием воинских команд»²⁰.

По приказу Штрандмана в эти места были направлены воинские команды, чтобы они могли «сей народ уговорить и монаршим покровительством уверить, а также пригласить послать от кольванских заводов для открытия новых полезных рудников одного чиновника, предписав при том капитану Гренингу, чтоб он всех тех калмык, кои от угроз катайских оставя прежния свои места приблизились к линии, обнадежив защищением, препроводили б обратно в те места, кои с издали ими занимаемы были; а для всегдашняго их ободрения и для примечания Китайских покушений оставил бы на все нынешнее лето посредине мест их небольшую воинскую команду, сами бы проехал чрез реку Катуню на вершины реки Бухтармы, и потом по сей реке в крепость Устькаменогорскую, делая на всякой случай особливо

иногда понадобится впрямь местоположению описание...»²¹ Алтайцев, «кои были от китайцев в великом страхе, а особливо четыре волости, которыя уже и скота своего загнали в самыя труднопроходимыя горы, в коих и своего убежища искать были намерены, он, Гренинг, всех ободрил и сам в прежния их места препроводил, чем столко они были обрадованы, что не знали, как изъявить Ея Императорскому Величеству за защищение их в том отдаленном крае подданнической своей благодарности...»²²

Таким образом, архивные данные позволяют судить о том, что в присоединении Горного Алтая к России приняли участие и европейцы, состоявшие на русской службе. В определенной степени благодаря личным деловым качествам Густава Штрандмана, включая инициативность и оперативность в решении вопросов, в состав империи были включены богатейшие области Горного Алтая.

1. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. Алма-Ата, 1989. Ч. 1. С. 61.

2. *Шеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 163.

3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. Оп. 2. Д. 47. Л. 3.

4. *Кушнерик Р.А.* Последнее посольство из Джунгарии в Россию в 1757 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур: материалы Пятой междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2005. Вып. 5. С. 399.

5. *Екеев Н.В.* Чоросы. URL: <http://www.hamagmongol.narod.ru>.

6. *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й гг. (по документам в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, 1792–1803 гг.). Казань, 1882. С. 266.

7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 113. Д. 1226. Л. 1–1 об.

8. *Ноздрин И.А.* Калмыцкое ханство в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. С. 110. (На правах рукописи).

9. РГАДА. Ф. 24. Оп. 113. Д. 1216. Л. 1–1 об.

10. ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 47. Л. 4.

11. Фольклор саянских тюрков XIX в. / Из собрания доктора языковедения Н.Ф. Катанова. М., 2003. Т. 2: Народная проза тувинцев (урянхайцев), хакасов (абаканских татар), тафаларов (карагасов). С. 367.

12. История Тувы / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. 2-е изд. Новосибирск, 2001. Т. 1. С. 190.

13. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 163. Оп. 1. Л. 7.
14. Там же. Л. 6.
15. Там же. Л. 24.
16. *Дацышен В.Г.* История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.). Красноярск, 2004. С. 49.
17. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об.
18. Там же. Л. 1.
19. Там же. Л. 1 об.
20. Там же. Л. 13.
21. Там же. Л. 13 об.
22. Там же. Л. 14.